

ОБ ОДНОМ УРБАНИСТИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ Ф.А. БЕКОВИЧА-ЧЕРКАССКОГО

С. А. АЙЛАРОВА,
доктор исторических наук, зав. отделом истории
СОИГСИ им. В. И. АБАЕВА

Одним из выдающихся просветителей и крупных военных деятелей Северного Кавказа пер. пол. XIX в. Федором (Темир-Булатом) Александровичем Бековичем-Черкасским был выдвинут целый ряд проектов по обновлению хозяйственной деятельности и социально-экономическому устройству адыгских народов.

Представитель известного со времен Петра Первого дворянского рода, боковой ветви кабардинских князей Джамбулатовых, он сделал блестящую военно-административную карьеру. Офицер русской армии в чине генерал-майора, участник русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Ф.А. Бекович-Черкасский был одним из командиров, воспитанных в духе суворовских традиций, чьи военные заслуги перед Россией отмечены современниками. Генерал получил неплохое для своего времени образование, знал языки, был дипломатом, вращался в кругу известных деятелей Кавказа. Среди его друзей и знакомых были Н.Н. Раевский, А.Г. Чавчавадзе, А.С. Грибоедов, А.А. Суворов,

А.С. Пушкин [1,40-53; 2,150-167; 3, 213-273].

В Малой Кабарде Ф.А. Бековичу-Черкасскому (вместе с братом и матерью) принадлежало крупное земельное владение в 98 тыс. десятин. Весьма состоятельному помещику были небезразличны и политическая судьба и экономическое благополучие своего народа. Одним из первых общественных деятелей края он осознает необходимость формирования новых хозяйственных навыков у горских народов, воспитания качественно новой хозяйственной психологии и экономического мышления.

Многие годы, служа на различных должностях в российской военной администрации, он неплохо был знаком с общественно-хозяйственным укладом жизни народов Северного Кавказа, с горской хозяйственной культурой как неотъемлемой части бытия больших масс людей в регионе. Довольно обстоятельная характеристика народно-хозяйственной жизни адыгов нашла отражение в рапорте Ф.А. Бековича-

Черкасского и полковника Гасфорта графу Паскевичу от 17 сентября 1830 г. (глава «О способах существования») [4, 904-907].

Учрежденный при Министерстве иностранных дел Временный комитет по устройству Закубанского края (1829 г.) на своем заседании от 23 марта 1830 г. рассмотрел записку «О закубанских народах». Для проверки содержащихся в ней сведений решено было выслать ее Главноуправляющему Кавказом графу Паскевичу, который, получив бумаги, направил их генерал-майору Бековичу-Черкасскому и полковнику Гасфорту с целью высказать соображения по записке. Так появился рапорт от 17 сентября 1830 г.

В этом документе получили яркое отражение общественно-политические и экономические воззрения Бековича-Черкасского, которые развиваются им и в других документах. Поэтому, несмотря на соавторство Гасфорта, рапорт прежде всего характеризует хозяйственные концепции Федора Александровича.

Документ затрагивал вопросы управления и общественного устройства горских народов (прежде всего, закубанских адыгов). Но здесь также довольно обстоятельно сообщается о разнообразном хозяйствовании местного народонаселения. По мнению авторов, «способы существования закубанских народов преимущественно состоят в хлебопашестве, скотоводстве, пчеловодстве и звериной ловле.

Избытки произведений, приобретаемых сим промыслом, за удовлетворением домашней потребности, поступают в продажу и в обмене на предметы, в коих нуждаются, и преимущественно, на соль, порох, свинец и разного рода красные товары...

Важнейшими промышленностями их пунктами можно посчитать: 1) окрестности Усть-Джегуты и Баталпашинска на Кубани; 2) урочище Каладж на Лабее, где ныне находится российское укрепление; 3) урочище Майкоп на р. Белой; 4) равнины при впадении Пшепша в Афипис; 5) равнины при Адагуме (ниже гробницы Колубат-бея); 6) окрестности Анапы; 7) окрестности Геленджикского залива и 8) места при впадении реки Сочи в Черное море...» [4, 905].

При этом меновая торговля шла не только между разными адыгскими народами, но и включала выгодную международную торговлю. «Торговля закубанских народов... может быть разделена на внутреннюю и внешнюю: первая состоит из взаимной мены, вторая, производившаяся прежде только с турками и недавно лишь начавшаяся открываться с подданными российскими, имеет предметом сбыт на меновых наших дворах местных продуктов, состоящих из масла, меда, воска, баранов, мягкой рухляди, лесу и даже оружия, каковые редко продаются на деньги, но более вымениваются на разные холщевые и бумажные изделия, в особенности на соль, в коей они очень нуждаются. Некоторые тамошние жители начинают приезжать со своими товарами и на ярмарки, учрежденные в станциях поселенных линейных казачьих полков» [4, 905].

Развитая меновая торговля поддерживалась довольно удовлетворительным уровнем земледелия – «хлебопашество тамошних народов вообще в хорошем состоянии по причине благоприятствующего тому грунта земли» [4, 905].

Ведущая роль земледелия дополнялась развитыми скотоводством и пчеловодством, которые «значительнее хлебопашества». «Адыги разводили в

большом количестве буйволов, коз и овец. Те же племена, которые живут далее к вершинам гор, по недостатку пастбищ, держат только коз и ослов – животных, которые могут питаться листьями и нагорным мхом. Столь известные некогда конские табуны ныне за Кубанью очень редки. С одной стороны, частые баранты, произведенные войсками нашими в течение нескольких лет, а с другой – стеснительное положение, в коем находились тамошние жители во все продолжение подобных поисков, очень много имели влияния на упадок сей отрасли и богатства» [4, 905].

Однако, несмотря на многоотраслевое сельское хозяйство и плодородную землю, местное население небогато. И причины – не только в недостатке у некоторых племен земли, военных действиях на территории земледельческих угодий и всевозможных колониальных мероприятиях российской администрации, но и в невысокой интенсивности традиционного земледельческого и скотоводческого труда. Кроме того, препятствовал интенсификации земледелия и характерный для традиционного хозяйствования принцип удовлетворения ограниченных потребностей, гарантирующий простое физическое выживание. Ф.А. Бекович-Черкасский пишет, что «у них (т.е. адыгов – С.А., Л.Т.) нельзя найти больших запасов продовольствия, ибо народы сии обыкновенно засевают только такую часть хлеба, какая по расчету нужна для собственного их пропитания и которую они надеются сбыть жителям кавказских вершин, не занимающихся хлебопашеством» [4,905]. Для более продуктивного хозяйствования необходимо было развитие торговли. «Нет сомнения, что впоследствии, открытием выгодной и значительной покупки, их можно приохотить к более ревностному занятию

сим предметом. В настоящее время посевы их ограничиваются пшеницей, ячменем, просом, кукурузой, полбой и табаком» [4, 905].

Таким образом, сельское хозяйство адыгов должно быть оживлено элементами предпринимательства и коммерции. Например, строительством кожевенных заводов, чтобы можно было переработать закупленное у местного населения сырье. «Со временем можно успешно возвысить у них (адыгов – С.А., Л.Т.) и промышленность скотоводства; во-первых, устройением одного или нескольких кожевенных заводов, которые впоследствии могли бы снабжать товарами войска Отдельного Кавказского корпуса, и, во-вторых, покупкой у них ремонтов для нашей регулярной и нерегулярной кавалерии. Таким образом, природная их склонность к корыстолюбию будет обращена в пользу правительства» [4, 905].

В рапорте содержались также рекомендации правительству уничтожить внутренние карантинные, облегчить торговлю горцев с русским населением, организовать вызов ремесленников из русских городов и расселить их вблизи главных пунктов обитания адыгов. Вместе с тем, администрация предупреждалась о недопустимости торопливости в своих действиях, организации «крупных переворотов», которые бы вызвали недовольство народа. Власти должны были действовать с предельной осторожностью, не допуская произвола, «по одной системе» [4, 907].

Однако большой преградой, не позволяющей экономике северокавказских народов обрести стабильность и возможный динамизм, по мнению Ф.А. Бековича-Черкасского, было распространение наездничества, постоянные феодальные набеги. В связи с этим им были предложены ряд преобразований

общественного устройства и управления западных адыгов, в частности, выделение в Закубанском крае трех округов, учреждение приставов среди каждого племени, а также «собрание и приведение в надлежащую ясность всех обычаев и народных прав, коими руководствуются сии племена в решениях частных и общественных дел, ибо только по узнанию оных правительство может сообразить, какие из них оставить в силе и какие потребно изменить или уничтожить вовсе сообразно новому порядку» [4, 907].

Условием позитивных сдвигов в хозяйствовании закубанских народов могли быть меры, обеспечивающие изменения в феодальной культуре и менталитете всего населения, и прежде всего в образе жизни феодальной верхушки. Приглашение дворянской молодежи в специальные конные и пешие формирования, привлечение ее к службе на административных и военных должностях стало бы началом переориентации феодальной элиты, «пока посредством воспитания и распространения промышленности и просвещения не дано будет юношеству другое нравственное направление». До этого благодатного времени просветитель советует кавказской администрации «занять предприимчивый дух дворян другими упражнениями».

Говоря о мерах, которые необходимы «к введению между закубанцами желаемого правительством порядка», Ф.А. Бекович-Черкасский обратил особое внимание на: 1. Уничтожение кровомщения. 2. «Прекратить укрывательство преступников, находящих ныне себе защиту в ложно понимаемом гостеприимстве». 3. «Ослабить дух удалства, составляющий первую причину хищничества и даже внутренних беспорядков» [4, 907].

О том, какие пути он видел для прекращения «внутренних беспорядков» у северокавказских народов, ослабления «духа удалства», прекращения «хищничества», т.е. набеговой практики, свидетельствует и записка «Замечания касательно просьбы кабардинского народа и средств к улучшению благосостояния оного» [4, 871-873], где содержится ряд проектов по совершенствованию социально-политического и культурного устройства одного из адыгских обществ.

«Замечания...» были составлены во время пребывания Бековича-Черкасского в Карсе. В 1827 г. кабардинские князья и дворяне обратились к проезжавшему через Кабарду генералу Дибичу, высказав озабоченность тогдашним состоянием Кабарды. В прошении содержались просьбы о возвращении земель, занятых казачьими поселениями, о свободной поездке богомольцев в Мекку, о сохранении народных обычаев и прав, религии и т.д. [5, 47-54]. С документом был ознакомлен и Ф.А. Бекович-Черкасский, находившейся в то время на театре военных действий.

3 сентября 1829 г. Бекович-Черкасский представил графу Паскевичу свои замечания, которые могли иметь определенное значение для принятия решения по просьбам кабардинской верхушки, выступающей от имени всего народа.

Признав, что обстановка в Кабарде напряженная, не умолкает «гром оружия», гибнут люди, автор главную причину видит во внутреннем строе Кабарды, где князья и дворяне постоянно ведут междоусобную войну из-за земли, подданных и добычи. Самые плодородные участки земли остаются необработанными. Поскольку в Кабарде не сложилось, по мнению Бековича-Черкасского, четкого права частной

земельной собственности, социальные верхи общества не имеют постоянных источников существования и идут на «разбой и грабежи». «В Кабарде ни один класс людей не обеспечен, как в прочих государствах и владениях, своим состоянием, и посему самому, пока каждый помещик не будет знать своей собственности, своей обязанности в отношении к правительству и власти над своими крестьянами, а сии последние отношений к своим владельцам, до тех пор решительно невозможно требовать от них прекращения грабежей и разбоев, и всякие к сему принятые меры останутся бесполезными» [4, 871].

С целью «прекращения всех беспорядков и восстановления кабардинцев на стезю прочную, могущую впоследствии довести их до цветущего состояния», Бекович-Черкасский рекомендует правительству провести ряд преобразований либерально-помещичьего характера. Он предложил: 1. Приступить к размежеванию земель и наделению крестьян землей; 2. Произвести «ревизию душ» и выдать владельцам соответствующие документы на право владения крестьянами; 3. Определить объем всех видов повинностей крестьян; 4. Ввести государственные повинности для всех сословий и классов; 5. Строго расписать власть помещиков над их поданными; 6. Издать закон, предусматривающий наказание князей и дворян за «нарушение права оседлой жизни» [4, 871].

Весь комплекс мероприятий, предложенных Бековичем-Черкасским, должен был сблизить общественный строй Кабарды с помещичьим строем Российской империи и заложить основание соответствующего хозяйственного уклада.

Не менее важным условием подъема культуры и хозяйственной жизни Кабарды и всего Северного Кавказа Бе-

кович-Черкасский считал образование и воспитание, которые как он полагал, являются «первой и главной пружиной к утверждению благосостояния народа» [4, 872]. При этом имелось ввиду не только открытие учебных заведений, но и мероприятия масштабного общественно-показательного характера, наглядно демонстрирующие преимущества европейски-развитой гражданской и хозяйственной жизни и комфорта. «Черкесов прежде всего, – писал просветитель, – необходимо познакомить сколько-нибудь с роскошью, водворять между ними прочную оседлость». С этой целью, по его мнению, «... представляется величайшею пользою для возведения их на степень благородного образования основать город около Нальчикской крепости как пункт, составляющий средоточие всей Кабарды» [4, 871].

Для привлечения в город кабардинцев он предлагал вначале заселить его татарами-мусульманами, которые послужат им примером. Чтобы сделать город притягательным для всех северокавказских народов, Ф.А. Бекович-Черкасский выдвигал условие «при учреждении города предоставить людям всех состояний, на жительство в оном поселяющихся, льготы от всех государственных и земских повинностей на пятнадцать лет» [4, 872].

Новый город должен быть «устроиваем по плану со всеми предметами роскоши и вкуса», с благоустроенными домами и прямыми улицами. В городе будет мечеть и разные учреждения, например, суд-мехкеме под председательством кадия, а также «училище для малолетних детей». Бекович-Черкасский считал необходимым «людей, вызванных на жительство в город, разделить на три класса или сословия: первого класса люди, имеющих хотя даже незначительный капитал, но занимающихся

продажею разных товаров, для кабардинцев необходимых, должны именоваться купцами; второй класс – ремесленники и третий класс – земледельцы» [4, 872].

Такой город сможет собрать вокруг себя все сословия адыгского общества, которые «в самое короткое время, оставив мрачные жилища, вертепы свои, поспешат с семействами в город поселиться» [4, 872]. Кабардинцы втянутся таким образом в городскую торговлю, в процессе общения с разными российскими этносами они «сдружатся с людьми, благословляющими безмятежную приятную жизнь», и приобщатся к оседлости, с «которой неразлучное трудолюбие и стремление к пользам собственной и ближнего, укажет им путь к лучшему домоводству» [4, 872].

Таким образом, город должен стать экономическим, политическим и цивилизующе-культурным центром адыгов. Встретившись с более развитыми формами общественной жизни, княжеско-дворянская молодежь встанет на путь «перевоспитания», перестанет предаваться «сумбурной» и «разбойной» жизни, усвоит лояльность российской власти. Этому должна была способствовать обязательная для всех дворянских юношей военная служба до 25-летнего возраста, а также привлечение их к разного рода работам. «Ничто так не поселяет худых мыслей и не портит сердца людей, как праздность, – писал Бекович-Черкасский, – потому, дабы спасти кабардинцев от совершенной со временем гибели, поставить в обязанность местного начальства возложить на узденей и князей, еще в мужественном возрасте находящихся, различные обязанности, как-то: заседателей, надзор за караулами, табунами, за работами поселян, за действиями их и тому подобное» [4, 872].

В определенном подъеме, по мнению просветителя, нуждалась трудовая этика, но не только феодальных верхов, но и всего народа. «Отличные пашни, леса – словом, всевозможные уголья могут при трудолюбии доставлять большие выгоды, – но праздность, врожденная сему народу, составляет к сему преграды», – писал он. В традициях дворянской историографии Бекович-Черкасский пишет о «врожденной праздности» кабардинцев, но речь идет о исторически сложившейся трудовой и хозяйственной культуре народа.

О том, что к делу подъема трудовой этики народа и дворянской элиты он подходил вполне исторически, свидетельствует его образовательная программа. В новом городе при крепости Нальчик Бекович-Черкасский предлагал открыть для «возведения кабардинцев на степень благородного образования» училище с обучением на русском и арабском языках. Обучающихся за казенный счет детей необходимо, по мнению соотечественников, и отпускать домой не чаще 1 раза в месяц. В учебной программе упор делался на «первоначальные науки на русском языке, внушая им под самой благовидной личиной обязанности человека в отношении к Богу, ближнему, самому себе и правительству русскому...». После трехлетнего обучения дети должны были отправляться в Россию для продолжения образования. «Детям, окончившим совершенно курс наук в высших в России училищах» и возвратившимся на родину, Бекович-Черкасский предлагал предоставить «преимущество перед прочими право к занятию различных в Кабарде должностей», ибо «сие самое возбудит соревнование и в прочих дворянах и князьях, и они будут стараться сколько-нибудь ближе сдружиться с россиянами и со своими

образованными туземцами, дабы, получив место, пользоваться уважением равных себе» [4, 872].

Образование, полученное в такого рода учебных заведениях, должно было готовить из горцев не просто лояльных и верных России администраторов, военных и т.д., но и формировать в первенцах северокавказской интеллигенции новую этику ратного и управленческого труда, видеть в воинском призвании идею служения России как своей родине. И в дальнейшем, в 30-40-е гг. XIX в. идеи просветителя нашли свое воплощение в практике образования горской социальной элиты, в посылке детей привилегированных сословий в кадетские корпуса, в приеме на военную службу в Кавказско-горский полуэскадрон, в Кавказско-горский дивизион в Варшаве, в институте прикомандирования к различным воинским частям.

Не только своими идеями и административной активностью, но и повседневной просветительской деятельностью, практикой помещика и хозяина он стремился изменять образ мыслей своих соотечественников, формировать у них новую трудовую нравственность и хозяйственный менталитет. В записке «О кабардинских владениях» он пишет: «Владения мои находятся в Малой Кабарде, граничат с Большой Кабардою, чеченцами и карабулами. Трудно удержать в должном порядке места сии, но я стараюсь обеспечить содержание неимущих черкес по мере моего достояния. Живя среди них, наблюдая за поведением молодых узденей, занимая праздность их разными обязанностями, дабы исподволь отклонять их от жизни разбойнической, которую они считают достославным занятием храбрых воинов» [6, 20-21]. Но главная его надежда была на просвещение, формирующее современное мыш-

ление северокавказской молодежи, позволяющее ей понять, а также умом и сердцем принять новую историческую судьбу своих народов. «Дабы занимать разными занятиями молодых воинов, чтоб совершенно искоренить понятие Черкес о разбоях и на будущие времена, для сближения их с целью нашего правительства, основанного на благосостоянии их, необходимо приготовить молодых людей в училищах. Мы намереваемся учредить на собственном нашем иждивении для детей наших подвластных узденей, дабы образованием ума смягчить суровость нравов, сделать их щастливыми для самих себя и столь же полезными для службы.

Первоначально полагаем школу сию составить не более для 15 мальчиков, которых обучать русскому, арабскому и персидскому языкам, потом они могут продолжать науки и в высших училищах, по назначению начальства, и оттуда распределяться на службу сообразно с познаниями и способностями каждого. На первый раз надеюсь склонить родственников моих и подвластных узденей вручить мне воспитание детей своих, и впоследствии, уверен, что и соседственные владельцы последуют нашему примеру и распространяющееся просвещение окажет спасительное действие свое, но дабы не испугать недоверчивость сих народов, считаю необходимым сначала представить им сию школу в виде домашнего заведения.

Таким образом, молодые люди, воспитывающиеся и служащие в разных местах, будут уже верным залогом покорности отцов, а возвращаясь в дома, распространять между другими свой изменившийся образ мыслей и новое поколение, надеюсь, что от года к году будут служить верным способом к ощутительным переменам мыслей своих соотичей...» [6, 21].

Итак, видным общественным деятелем и просветителем Кабарды пер. пол. XIX в. Ф.А. Бековичем-Черкасским была представлена российским властям и общественности довольно обширная программа социально-экономических преобразований, направленная на подъем хозяйственной и трудовой культуры адыгов. Важную роль играли

в задуманных им проектах образовательные и воспитательные меры, «дабы образованием ума смягчить суровость нравов». И хотя проекты Бековича-Черкасского не выходили на пределы либерально-дворянской идеологии, их реализация могла оказать значительное воздействие на развитие экономики и культуры Северного Кавказа.

-
1. Кумыков Т.Х. Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик, 1994.
 2. Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик, 1998.
 3. Опрышко О.Л. Через века и судьбы. Документальное повествование. Нальчик, 1982.
 4. Акты Кавказской археографической комиссии. 1878. Т. 7.
 5. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 337.
 6. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49.